ный», а царь — «земной Бог», была на русской почве переосмыслена и положена в основу модели царского поведения.[5] Облики Бога, из которых состоит Троица, различны. Предпочтение было отдано грозному и наказующему Саваофу, Закону, который на земле воплощает государь. Что до Благодати, это архипастырская прерогатива: «И аще убо царю се прилично, иже биющему в ланиту обратити другую?. . Како же царство управити, аще сам без чести будет? Святителем же сие прилично».[6]

Слова царя — не притворство, о чем говорит хотя бы возведение на митрополию Филиппа Колычева. Если тиран заботится о своей пользе, зачем ему силой понуждать на кафедру человека нравственного, популярного, независимого — и потому крайне неудобного? Расчета здесь не было, была наивная уверенность в своей вероучительной правоте. Поэтому Иван искал в митрополиты «лучшего», а не потатчика, в самоослеплении не думая о том, что создает неизбежный конфликт царства и святительства, что ему предстоит унизить и потом убить св. Филиппа.

Опасность состояла в «рассечении» Троицы; это никогда и никому не сходило с рук и не приносило добра. Это грех гордыни, первый и главнейший из семи смертных грехов. От уподобления карающему Богу до уподобления князю тьмы — один шаг.

Как общество восприняло такую концепцию царской власти? Это чрезвычайно важная проблема, в особенности если учесть, что в XVI в. население Московской Руси жило в сфере религиозного сознания. Наряду с православными здесь пребывали инославные, мусульмане, язычники, появлялись ереси (в сравнении с Западом малозаметные), но не было атеистов. Русский атеизм ведет начало с эпохи Просвещения.

По-разному, но сплошь верующая страна согласилась с тем, что царская власть — от Бога. По-видимому, в данном случае проявилась конфессиональная мегаломания. Коль скоро Москва — третий и последний Рим, то московский царь — единственный православный, т. е. правоверный, истинный царь. Это убеждение как принцип не было поколеблено даже Смутой, когда Русь настрадалась от самозванных «цариков». Не зря же в 1612 г. Исаак Масса писал, что московиты считают государя «почти земным богом».[7]

Другое дело, что русское общественное мнение не согласилось с тиранической доктриной Грозного. Пусть царь «богоподобен», но это вовсе не значит, что он может вести себя как Саваоф, который карает общее зло мира, не разбирая правых и виноватых, или как архистратиг Михаил, смертный ангел, который огненным трезубцем извлекает душу из тела. Нельзя «рассекать» Троицу и

---

[5] См.: *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: Концепция первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 54—78.

[6] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 24.

[7] Цит. по: *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: Введение, тексты и комментарии. Иркутск, 1932. Т. 1: XIII—XVII вв. С. 252.